

А.С. Архангельский

Чтения по истории русской литературы

XXI. Чтения в обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при императорском Казанском университете.

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.С. Архангельский**
Чтения по истории русской литературы: XXI. Чтения в обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при императорском Казанском университете. / А.С. Архангельский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 135 с.

ISBN 978-5-4241-4019-8

ISBN 978-5-4241-4019-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

XXI.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. С. Архангельскаго.

1903.

К а з а н ь.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1903.

Slav 385.13.10

لر

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
MEMBERS OF THE CLASS OF 1912

Apr. 13, 1929

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель А. Арзамельскій.

Въ 30—40 гг. XIII столѣтія Удѣльная Русь испытываетъ страшное бѣдствіе—нашествіе монголовъ, повлекшее за собой двухсотлѣтнее татарское иго...

Совершившееся историческое событіе—въ связи съ другими, чисто социальными условіями — производитъ на цѣлые вѣка общее измѣненіе въ дальнѣйшемъ развитіи политической и духовной жизни страны. Татарское нашествіе не только потрясаетъ политическій строй древней Руси, способствуетъ политической замкнутости начинавшаго складываться молодого государства, его совершенной вскорѣ изолированности отъ Запада, — но необычайно удручающе сказывается на всемъ духовномъ строѣ общества, на всемъ ходѣ его послѣдующаго культурнаго образованія и роста, страшнымъ гнетомъ палаетъ на всю народную массу, вызываетъ общую нравственную подавленность народа, продолжающуюся цѣлые вѣка и въ значительной степени подготовляющую позднѣйшее настроеніе московскаго общества,—этихъ „людишекъ“, „сиротъ“, „холоповъ“... Двухсотлѣтнее татарское иго тяжелымъ слоємъ легло на самый народный эпосъ. Съ наступленіемъ монгольскаго періода, общее образованіе страны замѣтно падаетъ; его горизонтъ значительно суживается, происходитъ остановка, общее пониженіе духовной жизни и литературы. За длинный періодъ новыхъ двухъ съ половиною вѣковъ общая литературная жизнь сѣверо-восточной Руси не только не обнаруживаетъ какихъ-либо за-

мѣтвыхъ успѣховъ, но видимо дѣлаетъ шагъ назадъ, обнаруживаетъ видимый регрессъ сравнительно съ прежнимъ. Начавшееся съ принятіемъ христіанства столь быстро и широко общее культурное развитіе страны надолго прерывается,— и дальнѣйшій ходъ образованія, при наступившихъ историческихъ условіяхъ, къ концу новыхъ двухъ съ половиною вѣковъ—къ началу XVI вѣка—даетъ „итоги“, какихъ трудно было ожидать по тому широкому разцвѣту литературы, какой мы видѣли у себя въ первые два съ половиной вѣка, въ періодъ до-монгольскій...

Ближайшимъ послѣдствіемъ татарскаго нашествія въ отношенія къ литературной жизни страны было перемѣщеніе литературныхъ центровъ. Литература въ значительной своей долѣ переходитъ „на новыя мѣста“,— на сѣверо-востокъ Россіи, распаиваетъ подъ себя „новину“... Съ наступленіемъ татарскаго ига, древнерусскому обществу во многихъ отношеніяхъ пришлось начинать съ начала: старые культурные центры были или разомъ разрушены или постепенно замѣняются новыми. Обще-государственная жизнь переносится съ юга на сѣверъ; тамъ, на сѣверѣ, сосредоточивается и литературная жизнь страны,—частью въ старыхъ центрахъ, Новгородѣ, Псковѣ, частью въ новыхъ, въ предѣлахъ ростовско-суздальской области,—къ концу XV вѣка „собирается“ около Москвы.

Бѣдствія нашествія тяжелѣе всего обрушились на южную, кievскую Русь. Кіевъ былъ разрушенъ до основанія, и подъ его развалинами на цѣлый рядъ вѣковъ погребенъ былъ наиболѣе могущественный центръ возникшаго образованія и литературы. Папскій миссіонеръ, П л а н о К а р п и н и, проѣзжавшій вскорѣ послѣ татарскаго погрома, въ 1246 году, изъ Польши черезъ Кіевъ на Волгу къ татарамъ, въ своихъ запискахъ рассказываетъ: по пути изъ Владимира-Волын-

саго къ Кіеву онъ ѣхалъ въ постоянномъ страхѣ отъ Литвы,—но отъ Руси былъ вполне безопасенъ: Руси осталось очень мало; бѣльшая часть ея либо перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. На всемъ пройденномъ пространствѣ южной Руси—въ кіевской и переяславльскоѣ землѣ—онъ встрѣчалъ по пути „лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ“. Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, „едва насчитывалось теперь 200 домовъ“... Въ этомъ запустѣніи южно-русскія области—кіевская, переяславская и частью черниговская—остаются едва ли не до половины XV вѣка.

Послѣ ужасовъ сагаго нашествія,—первыя признаки литературной жизни обнаруживаются во Владимірѣ, главнымъ городѣ ростовско-суздальскоѣ области. Въ началѣ періода мы видимъ здѣсь такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ кіевско-владимірскій митр. Кирилль III [† 1281] и владим. еп. Серапіонъ [† 1275]. Кирилль энергично заботится о внутреннемъ устройствѣ потрясенной паствы, собираетъ во Владимірѣ церковный соборъ [1274], обращается съ горячими увѣщаніями къ духовенству, —его *Поученіе попомъ* долгое время и послѣ переписывается въ рукописяхъ. Владимірскій еп. Серапіонъ—едва ли вообще не лучшій, наиболѣе просвѣщенный и даровитый писатель нашей литературы XIII—XV вв. Дошедшія до насъ немногія его *поученія* отличаются не только замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, горячимъ личнымъ чувствомъ, но и вообще обнаруживаютъ въ авторѣ замѣчательную для своего времени широту взглядовъ,—разумѣемъ его наставленія къ народу по поводу суевѣрныхъ толковъ о волхвахъ, еретикахъ и чудесникахъ... Были, повидимому, около этого времени во Владимірѣ и другіе просвѣщенные книжные люди, хотя имена ихъ мало извѣстны.

Такъ,—не новгородцу и не псковичу, а владимирцу принадлежало замѣчательное *Житіе в. кн. Александра Невскаго* [† 1263], обладающее литературными чертами, которыя затѣмъ быстро исчезаютъ изъ нашихъ житій святыхъ. Памятникъ представляетъ собою не столько „житіе“, въ обычномъ смыслѣ, сколько рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра,—при чемъ собранныя черты передаются „въ томъ свѣжестъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками“, ярко рисуя замѣчательную личность князя, глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ. Изложеніе не чуждо извѣстной книжной искусственности, но вообще еще очень далекó отъ того „изысканнаго до невразумительности добрословія“, какимъ потомъ, подъ вліяніемъ южно-славянскихъ писателей, такъ скоро стала отличаться наша житійная литература. Авторъ весьма начитанъ,—умѣетъ встать привести текстъ изъ ветхо-завѣтнаго пророка, здѣсь же сравнить своего героя и съ римскимъ царемъ „Еуспесіаномъ“...; но вообще, съ точки зрѣнія книжника, вышедшаго изъ школы Пахомія Логофета — плохо умѣетъ писать „житія“: ему видимо неизвѣстны самыя элементарныя приемы составленія настоящаго житія... Авторъ не начинаетъ напр. своего житія обычнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святаго князя,—въ концѣ нѣтъ столь же обычнаго молитвеннаго обращенія къ новому ходатаю на небѣ... Въмѣсто этого онъ набрасываетъ въ началѣ краткую характеристику взрослому князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицомъ онъ—Іосифъ Прекрасный, сила его—половина силы Самсоновой, премудрость ему далъ Богъ Соломонову, храбрость—Веспесіанову, царя римскаго...—и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной ивоческой! Описаніе кончины святаго авторъ начинаетъ обращеніями къ

себѣ: „Горе тебѣ, бѣдный человѣче! Какъ опишешь ты кончану господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бы можно было!“... Такія обращенія, полныя наивной земной скорби—совершенно недопустимы въ житіяхъ школы Пахомія... Памятникъ вообще оживленъ искреннимъ, непосредственнымъ чувствомъ,—авторъ еще не стѣсняется холодной торжественностью житійнаго языка... „Замѣтно еще литературное вѣяніе стараго кіевскаго или волынскаго юга подъ этимъ сѣвернымъ суздальскимъ перомъ, которое съ гибкостью и изобразительностью южнаго лѣтописца вставляетъ въ рассказъ и библейскій примѣръ или текстъ и сжатую картину ледоваго боя или народной скорби при погребеніи Александра, не даетъ князю, его дружинѣ и другимъ дѣйствующимъ лицамъ дѣйствовать молча, но постоянно выводитъ ихъ съ живою рѣчью и при этомъ мимоходомъ отмѣчаетъ черту современнаго общественнаго взгляда или отношенія къ извѣстному событію“... Житіе написано современникомъ, лицомъ весьма близкимъ къ Александру,—повидимому, человѣкомъ свѣтскимъ, едва ли не принадлежавшимъ къ княжескимъ дружинникамъ... Во Владимирѣ, и очевидно не москвичомъ, написана *Повѣсть о нашествіи на Москву Едигея*, вскорѣ послѣ самаго событія, не позднѣе 1411 года...

Вообще въ ростовской области видимъ довольно устойчивые признаки литературной дѣятельности. Книжные интересы поддерживаются и мѣстными князьями и высшими іерархами. Для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича нѣкимъ монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году пишется знаменитый *Лаврентьевскій списокъ лѣтописи*... Въ ростовскомъ *Житіи Петра царевича Ордынскаго* [† во

вт. пол. XIII в.] замѣчается, что въ его время въ Ростовѣ въ церкви св. Богородицы „лѣвый вѣлросъ гречески пояху, а правый русскы“... Ростовскій еп. Прохоръ († 1327) составляетъ первое *Житіе м. Петра*,—опять рѣзко отличающееся по своему характеру отъ болѣе поздняго подобнаго же сочиненія, написаннаго м. К и р і я н о м ъ: „сколько послѣднее растянута, многорѣчиво и витіевато, столько первое кратко, просто и безыскусственно“... Съ именемъ Авраамія, епископа суздальскаго, бывшаго въ 1438 г. съ м. Исидоромъ во Флоренціи, дошло *описание сценическаго представленія*, видѣннаго авторомъ во Флоренціи, и *записки* объ этомъ путешествіи; въ составленіи послѣднихъ принималъ, кажется, участіе и сопровождавшій Авраамія, суздальскій іеромонахъ С и м е о н ъ, составившій *Повѣсть о восьмомъ соборѣ*, отдѣльную отъ „путевыхъ записокъ“... Впрочемъ, уже довольно рано стала сказываться въ Ростовѣ и татарская „культура“. Въ этомъ отношеніи любопытную черту представляетъ сейчасъ названное *Житіе Петра царевича Ордынскаго*, написанное не позже пол. XIV ст. Житіе свидѣтельствуетъ о сильно уже укоренившихся связяхъ съ татарщиной. Духовенство, покровительствуемое татарами, въ теченіе столѣтія поддерживаетъ авторитетъ татарской фамиліи, родъ царевича Петра,—гордившійся тѣмъ, что идетъ отъ „татарской вѣсти“... *Житіе кн. Федора Ярославскаго*, написанное въ 70-хъ г. XV в., съ величайшимъ равнодушіемъ рассказываетъ, какъ этотъ князь, послѣ всяческихъ униженій въ Ордѣ—гдѣ прислуживалъ даже за ханскимъ столомъ—при помощи татарской рати бралъ приступомъ свой родной городъ, не захотѣвшій признавать его княземъ послѣ всего, совершеннаго имъ въ Ордѣ... Нельзя не замѣтить—подтверженіе чему увидимъ и въ другихъ случаяхъ—по различнымъ городамъ и областямъ тогдашней Руси отношенія къ татарамъ были довольно различны.

Съ предѣлами ростовско-суздальской области, въ которую входило и княжество Муромско-Рязанское, связываются и первыя историческія повѣсти и сказанія о татарскомъ нашествіи—наиболѣе обширный отдѣлъ литературы монгольскаго періода. Не смотря на рано начавшуюся сказываться здѣсь искусственность, манерность изложенія,—эти повѣсти едва ли не болѣе интересные памятники эпохи: при всей манерности разсказа, въ нихъ нерѣдко пробивается живое поэтическое чувство, проглядываютъ слѣды поэтическаго творчества народной массы, отголоски мѣстныхъ народныхъ сказаній, связанныхъ съ грозными событіями времени. Недавно найденное *Слово о погибели русской земли*—наиболѣе ранній поэтическій памятникъ этого рода. „Слово“ написано въ самые первые годы татарскаго нашествія и ярко отражаетъ первыя впечатлѣнія совершившагося бѣдствія,—а равно и ту связь, которая, очевидно, еще существовала въ это время между книжной нашей литературой и народно-поэтическимъ творчествомъ... Авторъ, повидимому, жилъ въ Переяславль-Залѣскомъ. Такова же читаемая въ ростовско-суздальскомъ сводѣ *Повѣсть о калкской битвѣ*,—въ ближайшую связь съ которой изслѣдователи ставятъ извѣстную былинку *О томъ, какъ перевелись на Руси богатыри*. Таково связанное съ рязанскимъ княжествомъ *Сказаніе о Батыевомъ нашествіи*,—повидимому, также одно изъ первыхъ историческихъ сказаній временъ татарщины, дошедшее съ очевидными областными приуроченіями. Разумѣемъ лѣтописную рязанскую *Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань*, гдѣ въ концѣ присоединяется народное сказаніе о подвигахъ Евпатія Коловрата, „нѣкоего отъ вельможъ рязанскихъ“,—и извѣстную *смоленскую легенду о Меркуріи*. Отчасти Рязани, отчасти предѣламъ вообще ростовско-суздальской области принадлежатъ и два извѣстные, болѣе популярныя литератур-